

Стихотворения Н. Некрасова

(Издание второе. С. Петербург. 1861 г. Два тома)

... Нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.
Его преследуют хулы,
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья".

Истина хотя и горькая, но несправедливая... по крайней мере, по отношению к г. Некрасову. И мы очень рады, что она несправедлива, рады за наше общество, за нашу литературу в настоящем случае и за г. Некрасова, потому что хотим здесь говорить о нем. Где в нашей литературе, например, он встретил "крики озлобления"? какие кружки общества "преследовали какого-нибудь сатирика хулами", когда -

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедовал любовь
Враждебным словом отрицанья?

Г. Некрасов это знал, и благо ему, что он это знал и крепко верил в "мечту высокого призванья", знал, что неправда, будто бы

... Каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Он знал, что ни умные, ни пустые люди не были готовы клеймить у нас сатириков и обличителей, несмотря на всевозможные дразги, и потому напрасно давал волю риторическому лиризму, будто

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут
И как любил он - ненавидя!

Здесь речь идет об "обличителях толпы", и мы вступаем за наше общество, которое, от Кантемира и до наших дней, никогда не желало видеть своих любимых поэтов растерзанными и даже больше их любило, нежели сколько они стоили. Мы не говорим здесь о г. Некрасове, а вообще о сатириках... Наше общество - особенное общество. Оно все прощает поэту, как только он становится на его сторону, и навсегда отворачивается от него, как только он забудет это общество. Зачем же забывать эту благородную черту нашего общества, скажем больше, эту великую черту нашего народного характера, которую с восторгом признают все страдавшие за общество, и поэты и непоэты, кому как привела судьба? И потому мы считаем такое несчастье сатирических стихотворцев, как его воспевает г. Некрасов, напущенным просто из элегической вольности. Нет, нет! если кто должен любить наше общество, так именно сатирические поэты, именно за то, что общество наше незлопамятно, а природа русская способна к такому отрицанию, которое удивляет иностранцев. Есть ли у поэта "мечта высокого призванья" или нет ее, "проповедует ли он любовь" или делает вид, что проповедует любовь;

есть ему во что верить или нет; любит ли он под видом ненависти или только ненавидит; проходит он тернистый путь или ездит в коляске по столичным улицам; велик ум его или невелик {См. стихотворение "Блажен незлобивый поэт...", где перечислены некоторые признаки сатирического поэта.}, ничего народ не допытывается, ничего общество знать не хочет: видит в сатирических стихах только ответы, отклики на свои горькие думы, врачевание на свои наболевшие раны и этими дорогими ранами прикрывает часто блестящую, но поверхностную наготу стиха. Тогда только, и только этим одним стих делается неотразимым и автор его "любезным" народу².

Кого общество и народ больше помнят: тех ли, кто за него страдал, или тех, кто эгоистически хлопотал только о своей славе? - вопрос в нашей жизни и истории не только праздный, но и несправедливый. Такого предположения и делать нельзя.

Блажен незлобивый поэт,
В ком *мало желчи*, много чувства (?)

.....
Ему сочувствие в толпе
Как ропот волн ласкает ухо.
Он *чужд сомнения в себе*, (?)
Сей пытки творческого духа,
Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его коварно не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят.

Мы останавливаемся на этом стихотворении потому, что оно очень характерно для нашего времени, для наших понятий об искусстве и для нашей поэзии. Всем известно, что современники Пушкина именно тогда от него отвернулись, когда он сделался спокоен и бросил "желчь", заменив ее чувством. Следовательно, нужно было бы сказать наоборот: справедливость отдали Пушкину не современники, а потомство.

"Блажен незлобивый поэт..." Но где и кто из наших поэтов был незлобив? Гоголь, Лермонтов, Грибоедов? Нет. - Следовательно, Пушкин? По-видимому, так думает г. Некрасов. Он любил беспечность и покой? Он властвовал толпой?..

Что нужно для того, чтобы властвовать толпой? Неужто всегда истинная поэзия? и разве не бывает таких эпох, когда желчь заменяет чувство и "современники" готовят памятники не поэтам, а желчным стихотворцам при жизни их?

Сколько вопросов! И не считайте эти вопросы праздными. Они наши вопросы, вчерашние и сегодняшние. Пушкин жаловался на толпу³ - г. Некрасов жалуется на толпу; Пушкин жаловался, что толпа не понимает искусство, - г. Некрасов жалуется, что толпа понимает только искусство; Пушкин требовал чувства - г. Некрасов требует желчи... какое странное потемнение и в такой короткий период времени! Здесь что-нибудь да не так. Понятия спутались, мы не понимаем сами себя и начинаем говорить загадки.

Однако ж наши загадки будут продолжаться на тему только что выписанного нами стихотворения. В нем целый трактат о поэзии, трактат новый, не проверенный критикой и основанный на новых началах - желчи. Начала эти, как и стихотворения г. Некрасова, успели утвердиться в нашей литературе, помимо критики, минуя ее привязчивые требования, и одной силою обстоятельств, силою напора их. В самом деле, где до настоящего времени оценка таланта г. Некрасова? Ее нет. Раздавались изредка в литературе похвальные отзывы о нем, на него возлагались надежды; "современники", нисколько не сконфуженные стихом г. Некрасова, что "заживо готовятся памятники только незлобивым поэтам", говорили: "если бы да не обстоятельства, мы имели бы случай видеть нашего истинного поэта"⁴, и эти скромные отзывы

"современников" о своем поэте заменяли все: критику, похвалу, скромность и намек. Другие, приведенные в негодование намеками, старались отнять всякие достоинства у г. Некрасова... Мы не будем делать ни того, ни другого, а с благодарностью возьмем то, что он предлагает нам прекрасного, и укажем на то, что, по нашему мнению, есть произведение одной желчи - нового принципа в поэзии, которого мы не признаем (мы староверы и признаем "чувство"), или что составляет сухой перечень "хороших мыслей", по мнению современников, но, по нашему мнению, не одно и то же, что поэзия.

По нашему мнению, в стихах г. Некрасова много дорогого для каждого русского, кто пятнадцать лет, день за день переживал и трудные, и улыбающиеся дни нашей пестрой жизни. Чего-чего мы не видели в эти пятнадцать лет, чего не пережили, каких надежд не хоронили!

Я молод, молод был тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои...⁵ -

говорит г. Некрасов. С тех пор многое переменялось:

Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла...

Но, перечитывая два томика стихотворений г. Некрасова⁶, заменившие один том, изданный в 1856 году и быстро исчезнувший из продажи, мы вновь остановились на тех прекрасных, свежих произведениях, в которых еще желчь не вступала в права чувства, а обличение - в права искусства.

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу -
Все лицо твоё вспыхнуло вдруг.
И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.
На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;
Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок;
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок...⁷

Если не ошибаемся, стихотворение это относится к первым, полным свежести произведениям г. Некрасова и напоминает нам времена "Петербургского сборника"⁸, или начала "Современника" 1847 года, когда еще Белинский правил русской литературой. Ему посвящено, так нам кажется, но уже долго спустя, следующее стихотворение:

Наивная и странная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел - и быстро ты угас!
Ты нас любил, *ты дружеству был верен* --
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,

А ты погиб, несчастлив и *незнаем!*
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам ветренное племя...
И с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
*Дороги к ней не проторила...*⁹

Это горькое, но правдивое, хотя несколько и прозаическое, стихотворение многим покажется невероятным. Как могли относиться к Белинскому стихи, напечатанные выше курсивом, а между тем они вполне справедливы... были. Да, были, и, к счастью, теперь нельзя уже повторить:

И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам ветренное племя.

Но когда были напечатаны впервые эти стихи - до 1856 года, - имя Белинского *ни одного* разу со времени его смерти не было напечатано на страницах ни одного журнала. Кроме неприятной статьи г. Шевырева, появившейся тотчас после смерти Белинского в "Москвитянине", да статьи Булгарина в "Северной пчеле"¹⁰, в том же тоне, литература, сочувствующая Белинскому, вынуждена была молчать. Стихи г. Некрасова припомнили нам Белинского, который так радушно встречал каждый новый талант - в том числе и г. Некрасова.

Итак, потомкам ничего не говорило в то время о Белинском... *ветренное племя...* Нет, не ветренное племя. Помнит ли г. Некрасов, как в мае 1848 года, почти украдкой, пробиралась небольшая горстка людей по Лиговскому каналу, к Волкову кладбищу, за гробом?.. Эта горстка людей, запуганная, чуть не боялась сознаться, кого она хоронит. Молча и в безмолвии разошлась она... и навещала ли потом эту могилу, неизвестно. Вполне справедливы только следующие стихи:

Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проложила...

Больше чем когда-нибудь, при воспоминании о Белинском и его могиле, в то время, мы бы сказали {"Поэт и гражданин".}:

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо.
Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил пугливо -
Ты светоч истины держал {1*}
Рукою твердой, но для света
Он благотворно не сиял...
.....
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.

Темная завеса надолго пала на нашу жизнь. В этой темноте ничего не было видно; без света и жизнь была бесплодна, и все силы тратились на то, чтоб поддержать хоть под пеплом священный огонь. Наступила пустота в поэзии -

Ах! Песнею моей прощальной
Та песня первая была!

Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор нечасты были встречи;
Украдкой, бледная, придет,
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет;
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но...

Но в это время песен не слышно было, хотел сказать г. Некрасов. Однако ж в этот промежуток, обнимающий большую половину первого тома стихотворений г. Некрасова, было написано много стихов. Мы останавливаемся с любовью над тремя: "В деревне", "Несжатая полоса" и "Забытая деревня" - три поэтические картины, волновавшие в то время наше сердце и до сих пор памятные нам... Мы их здесь приведем, потому что они стоят в параллели с тогдашним направлением всей нашей литературы, сделавшей крестьянский быт главным мотивом своих произведений, под влиянием "Записок охотника" г. Тургенева¹¹. То было время, когда литература в первый раз с *гуманной* точки зрения взглянула на этот быт. И этот-то гуманный взгляд, явившийся в поэтических очертаниях г. Тургенева, увлек всю литературу. Ему последовал и г. Некрасов. <...>

Это был лучший мотив тогдашней поэзии, свежий, молодой и полный сил. Он впервые явился в поэтических очертаниях "Записок охотника", хотя и прежде появлялся у г. Григоровича¹², но как-то насильственно, заученно, на французский склад. Г. Тургенев, с свойственною ему способностью самыми легкими очертаниями лиц и природы указывать на глубокие поэтические черты крестьянского быта, имел влияние в этом отношении и на элегический (заметьте, не сатирический) тон этих произведений. А так как г. Некрасов решительно не художник, а только *лирик* там, где он может совладать со стихом, - то понятно, какую важную роль должен был играть для лирического поэта другой талант, сумевший осветить картину истинным, нефальшивым светом. Влияние это подтверждается еще следующим.

Мы помним появление Рудина, этого последнего из могиканов той западной образованности, которая так много принесла нам общих взглядов, человеческих чувств, борьбы за гуманные стремления, отвлеченную любовь к добру и родине.

Этот мотив, такой сильный у нас со времен Пушкина, под пером г. Тургенева получивший, как известно, новый колорит, нашел себе отклик и в г. Некрасове. Мы помним появление его поэмы "Саша" вслед за "Рудиным" и наше приятное изумление, когда мы в этой поэме нашли того же Рудина, только переложенного в стихи¹³. Читатель, конечно, помнит, кто такой Рудин, и потому в характеристику его вдаваться здесь не станем. Сходство между ним и Агариным до того сильно, что даже выразилось не только в общих чертах, но и в мелочах. Так, например, Рудин хорошо и много говорит; Агарин, действующее лицо в поэме г. Некрасова, тоже хорошо и много говорит. Рудин умен, образован, говорит цветисто, но ни на какое дело не способен; Агарин тоже:

Это не бес, искуситель людской,
Это - увы! - современный герой,
Книги читает да по свету рыщет -
Дела себе исполинского ищет,
Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,
Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

Г. Тургенев говорит о Рудине как о человеке, который, однако ж, сеял доброе семя, - и г. Некрасов то же говорит о своем Агарине. Так, когда героиня поэмы, Саша, испугавшись желчных речей Агарина, отказалась от него, г. Некрасов говорит:

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,
А остальное все сделает время...
Сеет он все-таки доброе семя!..
Знайте и верьте, друзья: благодатна
Всякая буря душе молодой -
Зреет и крепнет душа под грозой.
Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше!
В добрую почву упало зерно -
Пышным плодом отродится оно!

Не правда ли, читатель, все мотивы знакомые и некогда постоянные в нашей литературе? Сходство поэмы г. Некрасова и романа г. Тургенева так велико, что даже мелочи поэмы напоминают роман, прежде прочитанный. Ум Рудина сильно действует на развитие Наташи - ум Агарина точно так же действует на Сашу; оба заставляют героинь влюбиться в себя, оба их бросают. Даже объяснение в любви происходит одинаково в обоих произведениях... Так талант г. Тургенева в то время вполне покорял г. Некрасова, и это лучше всего выразилось в превосходном начале поэмы. Оно нисколько не гармонирует с другим мотивом произведений г. Некрасова, что читатель легко заметит. <...>

Теперь будем продолжать нашу сказку. Время шло, менялись обстоятельства, настала война...

Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон:
Русь поднялась со всех сторон,
Все, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту яркой битвы -
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Стояли в воздухе...¹⁴

Со всем тем, наше общество встрепенулось и почуяло как будто что-то новое. Когда мы геройствовали, собирали армии и ополчения, еще более собирали забытые воспоминания о бранной славе двенадцатого года и многие, даже очень многие, поэты и прозаики пустились в воинственные песни псевдонародного содержания - г. Некрасов написал следующее маленькое стихотворение, которое нам нравилось более всех воинственных стихов:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна -
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы -

То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...¹⁵

Наконец, еще больше приближаясь к нашему времени, когда после войны всё, казалось, заговорило и зашевелилось, когда столица наша начала ораторствовать и появились надежды - в это время, в 1858 году, г. Некрасов написал следующее превосходное стихотворение:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России, -
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив¹⁶.

Мы остановимся здесь, потому что во многих других стихах г. Некрасова не видим уже той тесной связи между жизнью и *поэзией*, которая составляет лучшую принадлежность всякого поэта; не видим дружного сочетания двух необходимых элементов, и преобладание одного, желчного, становится все выпуклее и выпуклее. Но нам приятно было вспомнить, вместе с стихотворениями г. Некрасова, и то недавнее, но безвозвратно ушедшее время, в котором мы многому уже не верим, так оно было безобразно в некоторых отношениях.

Рядом с стихотворениями, которые мы привели выше и которые, бесспорно, принадлежат к лучшим из всего того, что было написано в последнее время, рядом с этими стихотворениями у г. Некрасова постоянно шли такие, которые никак не хотелось бы приписать автору "Несжатой полосы", "Забытой деревни". Лица, казалось бы, те же, обстановка та же - а между тем стихотворения эти возмущали нас клеветой на русского человека, подделкой под русскую речь. Долго мы были в недоумении, пока "Песня Еремушки" не разъяснила нам сущности дела, не показала, что мы не совсем хорошо понимали некоторые стихотворения г. Некрасова.

Отсюда для нас сделался уже сам собою понятен и еще один недостаток - частая *поучительность* стихотворений. Поучительность - дело полезное, как всякий урок, но мы не хорошо понимаем, как уроки можно задавать стихами. Оказывается, что это можно делать при некоторых условиях. Но к поучительности стихов мы еще вернемся, а теперь перейдем к разъяснению того недоумения, о котором сказали выше.

Любовь к простому народу, казалось бы такая неподдельная, как мы ее видим в "Забытой деревне", полная той *элегической* силы, которая кладет на нее поэтический колорит, но не той *сатирической*, едкой, холодной любви, которая высиживается *умом* без участия сердца, - эта любовь к народу, казалось бы, есть господствующий мотив стихотворений г. Некрасова. Вот почему, без всякого сомнения, им сочувствуют и что дает им право на уважение. Этою стороною объясняется и едкая сатира на классы бездействующие, живущие на счет бедняка, унижающие его, помыкающие им. Мотив этот до того прост, до того обнажен в некоторых стихотворениях, что сомневаться в нем, казалось бы, нет никакой возможности. Тем лучше для автора, тем легче для критика. Однако ж мы хотели бы согласить с этим мотивом, с этою любовью к народу те странные облики простонародья, которые перед нами будут следовать один за другим.

Вот первое стихотворение, *В дороге*. Содержание его такое:

Скучно! скучно! Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку.

Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи -
Буду, братец, за все благодарен.

И ямщик ему рассказывает про свою женитьбу и про белоручку-жену, взятую им из господского дома:

Слышь {2*}, как щепка худа и бледна,
Ходит *тож* совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна -
Чай, свалим через месяц в могилу...
А с *чего?*.. Видит Бог, не томил
Я ее безустанной работой...
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, *таись вот как, с охотой...* (?)
А, *слышь*, бить - так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку...

Это окончание напоминает нам неудачное окончание другой пьесы, прекрасной, но невыдержанной.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть¹⁷.

<...> Следующее стихотворение... Мы не понимаем, как не выбросил его из своего "сборника" сам г. Некрасов, исключивший из него, например, "Колыбельную песню". Мы его перепечатаваем здесь все:

- Так служба! сам ты в той войне
Дрался - тебе и книги в руки,
Да дай сказать словцо и мне:
Мы сами дельвали *штуки* {3*}.

- Как затесался к нам француз,
Да увидал, что проку мало,
Пришел он, помнишь ты, *в конфуз* (?)
И на попятный тотчас драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками,
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи {4*} - кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рвет волоса - глядим да тужим!
Жаль стало - топорищем хватъ --
И протянулась рядом с мужем!
Глядь, дети! Нет на них лица:
Ломают руки, воют, *скачут*, (?)
Лепечут - не поймешь словца -
И в голос, бедненькие, плачут.
Слеза прошибла нас, ей-ей!
Как быть? Мы долго толковали,
Пришибли бедных поскорей
Да вместе всех и закопали...
- Так вот что, служба! верь же мне
Мы не сидели сложа руки,
И хоть не бились на войне,
*А сами дельвали штуки*¹⁸.

И эта история рассказывается развязным, шутливым голосом, как "Гусар" Пушкина рассказывал о чертовщине на Лысой Горе в Киеве, приговаривая: "а мы видали виды"! Есть разница в сюжете, и есть оттенки народного характера и в том и в другом стихотворении. Развязно рассказать эту ужасающую картину 1812 года, рассказать в том смысле, что убить "эту гадину" - француза нам ничего не стоит... что это такое? Были ужасающие сцены 1812 года, мы их знаем; но они были следствием неслыханного опустошения целого края, ужасающей нищеты, холода, голода и войны, сцены, подобные сценам голода, описанным Байроном...²⁰ Но эти сцены у Байрона понятны. Они наступают в то время, когда и рассудок помутится, и чувство исчезнет в человеке, в те немногие страшные -минуты, которые редко достается переживать человечеству... Г. Некрасов все это устранил, и таким образом зверство русского мужика вышло наголо, как неслыханное чудовище природы, которое только приводит в ужас. <...>

К чему мы собираем все эти факты? К чему мы показали сначала те обстоятельства, которые шли рука об руку с стихотворениями г. Некрасова, а потом разобрали и показали смысл многих отдельных его стихотворений? К чему мы старались разъяснить различные мотивы, проходящие в обоих томиках стихотворений г. Некрасова?

К чему? Мы знаем, что явятся неистовые хвалители, которые, зажмурив глаза, заткнув уши, будут кричать г. Некрасову: продолжайте, идите так, как вы идете в последнее время, - и вы будете первым поэтом нашего времени. Все мы это знаем; но просим г. Некрасова не верить этим похвалам, сильным своим криком, но не внутренним сознанием. "Желчный писатель", скажем мы вашими словами, "не должен знать похвал".

Мы собрали факты из воспоминаний и из книжки г. Некрасова, чтобы показать, что у него постоянно идут, или, лучше сказать, шли до последнего времени, рядом, два направления: одно, в котором есть и непосредственное чувство, и одушевление, и поэзия, и лиризм - остаток прежнего поэтического мотива, прежней поэтической теории. Здесь он делается поэтом, насколько теория, проникнутая симпатией к народу, может сделать поэтом человека, не имеющего художнического таланта. Тут у него есть и сила негодования, и теплота увлечения. Но рядом с этим направлением у него идет другое, в котором господствует теория, мертвая, холодная - и, грустнее всего, несправедливая. Вторая теория служит уже абстракту народа, а не народу.

Эта теория, состоящая вся из одного отрицания, прежде всего, не есть какая-нибудь новость в нашей литературе. Мы уже пережили одно отрицание - самое безотрадное, отрицание Гоголя времен "Мертвых душ" и стихотворений Лермонтова. То было отрицание до такой степени беспощадное, что не верится теперь. Если хотели что-нибудь побранить - называли русским; даже слово "русский" не говорили, а *российский*. Славянин - было бранным словом, и это отчаянное, ожесточенное отношение ко всему своему и вызвало и развило больше всего славянофильство. Пусть не думают, чтобы гоголевское или лермонтовское отрицание было мелко - нет, оно захватывало все стороны, только оно не выражалось так обнаженно, сухо, в голых сентенциях, как, например, у г. Некрасова. Таланты Гоголя и Лермонтова облекли беспощадное отрицание блестящими, в высшей степени поэтическими формами.

Но в первую пору отрицания - и это нужно заметить особенно - великие отрицатели, каковы Гоголь и Лермонтов, обращались преимущественно к тогдашнему нашему образованному, чиновному, высшему классу - и поэтому были правы. Дух времени быстро перенес поэтические замыслы на другую арену - крестьянин и работник сделались героями, и им-то посвятил свое сочувствие "поэт абстракта". Что же вышло у г. Некрасова? Он бросил камень в того, кого защищает теория! Вы, г. Некрасов, метили не туда, куда попали; и любовь к народу осталась у вас знаменем, за которым не следует никакого народа. Вы ополчились на то, что защищаете, - где же выход?

Это со стороны идеи отрицания г. Некрасова. Со стороны же формы нам не нужно будет много доказывать, что желчь и произведение ее, холодные, рассудочные, - не поэзия. Стихи г. Некрасова то же обличение, которое мы видим и в нашей -прозаической литературе. В этом отношении г. Некрасов стоит ниже Щедрина и Печерского²¹, потому что их сатира одета в

формы рассказов; в них выведены лица; лица эти имеют характеры, под ногами у них есть почва - и обличительный разгул их авторов имеет дело с действительностью.

Поэзия - не сатира; сатира есть один из элементов поэзии, одна из сторон ее. Сатирик не видит в мире ничего, кроме ошибки, пустоты, ничтожества, - а кто скажет, что в обществе, которое бичует сатирик, ничего нет? Если в нем действительно ничего нет, то из ничего и не рождается ничего. Вот на основании каких причин ум никогда вполне не доверяет сатирику. Ум ищет для себя будущности и не находит ответа у сатирика. От этого сатирик, обличитель нравятся только в то время, когда и общество одинаково с ними раздражено, когда сатирик удовлетворяет чувству минутного настроения. Пройдет это настроение - и сатира утрачивает все.

А между тем у г. Некрасова есть свой особенный прием в стихе, есть сила, ему одному свойственная; он был бы способен обнимать шире предмет, не одной стороною рассудка, но и чувства... Это нам говорят многие из стихотворений, выше нами приведенных. Следовательно, у г. Некрасова есть задатки того, чего требует истинная поэзия. Там, например, где он находился под влиянием г. Тургенева, там, где он описывает *не крестьян, а русскую природу*, которой сочувствует, там, наконец, где общественная пошлость вызывает у него непосредственное чувство негодования, - там и стих его делается поэтичнее; там же, где он, взяв себе в руководители только теорию, смотрит на общество из-за параграфов книг, как в "Еремущке", там он доходит до результатов невообразимо противоречащих ему же самому, так что из них и выхода нет. С другой стороны, плохой тот поэт, у которого истины науки читаются в стихах, как в учебнике. Надеемся, что доказывать не нужно. Каким же образом писатель, который имеет за собой лет двадцать литературной деятельности и, следовательно, не принадлежит к тем юношам, которые пишут диссертации в стихах; писатель, который с годами должен делаться требовательней в художественном отношении, каким образом он может прийти до этих результатов? Что это - упадок творчества или статьи в стихах, писанные для журнала, в угоду массе?

Г. Некрасов постоянно затрогивает предмет, дорогой каждому, - и в этом его сила и все достоинство. Он больше, нежели кто другой из наших поэтов, носит в себе зачатки того лиризма, которому как будто суждено жить в будущем и на который указал нам первый Кольцов. Г. Некрасов действует в духе времени, старается уловить поэзию, идет как будто по следам ее - и не может догнать. Его "Коробейники", его "Крестьянские дети" говорят нам, что предмет, полный жизни, где-то близко, вот, чуть-чуть, и он бы нашел его... а между тем нет! Да, нет того поэтического элемента, которого ищет г. Некрасов. То он с озлоблением набрасывается на этот предмет и говорит, что в нем нет "ни одного человеческого зерна"²², то в другом месте говорит, что в народе кроются великие, таинственные силы²³ - а какие силы, никто их не видит, и г. Некрасов не предчувствует их как поэт. Вот это дурно... Не в нас ли самих лежит причина того, что мы не видим хорошо окружающий нас мир? Давно бы пора спросить это у себя самого, и тогда, может быть, много излишних проклятий окажется в нашем негодовании! - Вот вопрос, о который суждено было разбиться таланту г. Некрасова там, где он хотел быть поэтом, а не обличителем только. Что делать? Участь эту должен разделить г. Некрасов со многими, поэтами и непоэтами, учеными и литераторами нашего времени.

Этого вопроса уже не раз случалось нам касаться, и всякий раз мы видели в нем большую преграду для дальнейшего художественного развития нашей поэзии. К нему мы пришли и в настоящем случае.

Есть поэты с мирозерцанием широким и узким. Это не подлежит сомнению. Многие, вероятно, думают, что г. Некрасов принадлежит к первым. Он всего касается: политических вопросов, общественных сторон жизни, народа и его верований, интимных сторон сердца человеческого. Чего в самом деле шире? - Но если вы вслушаетесь в тон этих широких взглядов, то увидите, что он очень монотонен. Отрицание, отрицание и отрицание - вот его девиз на всяком пути, точно журнальные статьи, заданные каким-нибудь узеньким направлением. Девиз легкий и доступный каждому! Он не требует ровно никаких рассуждений и мирозерцания, точно так же, как безразличная похвала всему существующему - тоже очень легка. Мирозерцание старое, сороковых годов, и мы его не назовем широким. В наше время гораздо труднее отличить годное от негодного, а между тем в

этой-то трудности и состоит задача и политических наук, и философии. Поэзия, как высшее чутье народа, должна нам помогать там, где наука колеблется при помощи одного холодного ума. Поэзия должна своим сочувствием согреть те блестящие огоньки, которые поднимаются в наше время над бесконечным пространством нашей жизни. В этом отношении поэт будет и передовой человек...

ПРИМЕЧАНИЯ

Степан Семенович Дудышкин (1821-1866)

Критик, журналист. Ведущий сотрудник "Отечественных записок" с 1852 г. Автор множества статей о современных писателях -- Л. Толстом, Тургеневе, Писемском, Григоровиче, Фете. Пытался найти компромисс между утилитаризмом революционно-демократической критики и эстетизмом т. н. "чистого искусства", между западниками и славянофилами. Подробнее о нем см.: Русские писатели. Т. 2. М., 1992 (статья Е. В. Войналович и М. А. Кармазинской).

Стихотворения Н. Некрасова

Впервые - ОЗ. 1861. Т. 139. Декабрь. Печатается (с сокращениями) по первой публикации.

^{1*} Мы извиняемся перед г. Некрасовым, потому что в то время не поэты держали этот светоч: у г. Некрасова в стихе речь обращена к желчному поэту.

^{2*} Частую и неудачную подделку под народный стих мы здесь обозначаем курсивом.

^{3*} "Да, мы видали виды" - Пушкина¹⁹.

^{4*} Тонкие черты народного говора!

¹ Здесь и далее (до строки "При жизни памятник готовят") цитируется стихотворение "Блажен незлобивый поэт..." (1852).

² Ср.: "И долго буду тем любезен я народу..." (Пушкин А. С. "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..."; 1836).

³ Конфликт поэта и толпы отразился в стихотворении Пушкина "Поэт и толпа" (1828), "Поэту" (1830), "Ответ анониму" (1830).

⁴ В рецензии на сборник Д. Д. Минаева "Перепевы" Добролюбов писал, что появился поэт, способный "осмыслить и узаконить сильные, но часто смутные и как будто безотчетные порывы Кольцова и вложить в свою поэзию положительное начало, жизненный идеал, которого не доставало Лермонтову <...> Но, к сожалению, внешние обстоятельства <наступившие вслед за тем события> уничтожили всякую возможность высказаться и развиваться в новом таланте тому направлению, которое с двух разных сторон, после Пушкина, пробивалось у нас в Кольцове и Лермонтове" (С. 1860. No 8. С. 284-285. См. также: Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. III. М., 1952. С. 600).

⁵ Эта и следующая стихотворная цитата - из стихотворения "Поэт и гражданин" (1856) - по журнальной публикации.

⁶ "Стихотворения Н. А. Некрасова в 2-х частях. Изд. 2-е с изд. 1856 г. с прибавлением стихотворений, написанных после этого года". СПб., типография Э. Праца, 1861.

⁷ "Тройка" (1846).

⁸ "Петербургский сборник" (1846), изданный Некрасовым, включал в себя "Мысли и заметки о русской литературе" Белинского, "В дороге", "Отрадно видеть..." и "Колыбельную песню" самого поэта, а также "Бедных людей" Достоевского, поэмы А. Н. Майкова и Тургенева и др.

⁹ Стихотворение "Памяти Белинского" (1853; до 1877 г. печаталось под заглавием "Памяти друга").

¹⁰ Статей С. П. Шевырева и Ф. В. Булгарина, посвященных Белинскому и вышедших после смерти критика, обнаружить не удалось. В "Москвитяине" (1848. No 8) была напечатана статья М. П. Погодина "Несколько слов по поводу некролога г. Белинского", в которой, в частности, говорилось: "Сочинения его сами по себе, конечно, не давали бы большого права на воспоминание в литературном некрологе; но они имели много читателей и даже поклонников, производили в свое время действие, и потому им должно посвятить несколько слов" (с. 43). Покойный критик, по мнению Погодина, "был лишен всякого образования", "не имел понятия ни об одной литературе", "не знал никакого языка, разве кроме французского отчасти" (там же). Все же автор признает, что Белинский "любил просвещение, сколько понимал его, был беден - пожалеем же о таланте, которому не досталось образования, о вкусе, которому не случилось изостриться <...>" (с. 45).

¹¹ Отдельным изданием "Записки охотника" вышли в 1852 г.

¹² Имеются в виду повести Д. В. Григоровича "Деревня" (1846) и "Антон-Горемыка" (1847).

¹³ Ср.: "<..> когда я написал "Рудина", я еще г. Некрасова не узнал и мы еще были с ним друзьями. Он говорил мне: "Послушай, ты не будешь в претензии? Мне хочется твоего Рудина заковать в стихи, чтобы он более врезывался в память!" Я говорю: "Ты знаешь, что я до твоих стихов не охотник, - но в претензии не буду, пиши что хочешь". Он написал "Сашу" и, по своему обыкновению, обмелел тип" (Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М. Т. 2. С. 77; Воспоминания И. А. Островской).

¹⁴ Из поэмы "Тишина" (1857).

¹⁵ Начало стихотворения 1855--1856 гг.

¹⁶ Начало стихотворения 1858 г.

¹⁷ "Тройка" (1846).

¹⁸ Начало стихотворения 1846 г.

¹⁹ Пушкин. "Гусар" (1833).

²⁰ Поэма "Дон Жуан", песнь вторая.

²¹ *Печерский* Андрей - псевдоним Павла Ивановича Мельникова (1818--1883); его рассказы "Поярков" (1857), "Дедушка Поликарп" (1857) и др. создали ему репутацию обличителя.

²² Ср.:

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни
Чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

"Песня Еремушке" (1859)

²³ Ср., например:

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных, то и знай...

"Школьник" (1856)